

АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ КРАСОВСКІЙ.

1776—1857.

Читателямъ «Русской Старины» извѣстно, съ какимъ чувствомъ глубокаго уваженія почтили мы память Федора Ивановича Тютчева, помѣстивъ на страницахъ нашего изданія задушевыми строки академика А. В. Никитенко («Русск. Стар.» 1873 г., т VIII, августъ).

Мы воздали должное заслугамъ Федора Ивановича въ области русской словесности и признали въ немъ благороднѣйшаго, просвѣщеннаго общественнаго дѣятеля.

Извѣстно, что послѣдніе 15 лѣтъ своей жизни Ф. И. Тютчевъ былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры. Занимая столь трудный, можно сказать, крайне шаткій постъ онъ,—благодаря своему высокопросвѣщенному взгляду на науку и литературу, ясному пониманію духовныхъ потребностей своего отечества,—умѣлъ стяжать всеобщее уваженіе и ни одинъ голосъ ни изъ какихъ кружковъ, на которые дробится наше общество, не осмѣлился осудить Федора Ивановича ни при жизни, ни по его кончинѣ.

Въ чемъ состояла тайна этой дѣятельности, какимъ образомъ человекъ, стоявшій столь многіе годы во главѣ цензурнаго учрежденія, сумѣлъ удовлетворять нерѣдко взаимно противоположнымъ требованіямъ,—разъяснить, конечно, будущій біографъ этого вполне достойнаго человека и гражданина. Въ настоящее же время, чтобы вполне оцѣнить благородную, просвѣщенную дѣятельность Федора Ивановича въ званіи предсѣдателя комитета иностранной цензуры, необходимо напомнить о его предшественникѣ. Впрочемъ, забыть приспомятнаго Александра Ивановича Красовскаго едва-ли кто могъ изъ тѣхъ нашихъ соотечественниковъ, кто только интересовался, лѣтъ тридцать—сорокъ тому назадъ, привозимою въ Россію иностранною литературою, процвѣтшею учрежденіемъ, во главѣ котораго стоялъ предмѣстникъ Ф. И. Тютчева—тайный совѣтникъ А. И. Красовскій.

Случайно попалъ Александръ Ивановичъ на дорогу русскаго цензора, не менѣе случайно занялъ онъ кресло предсѣдателя комитета цензуры иностранной и, только благодаря этимъ обстоятельствамъ, какъ своего рода «общественный дѣятель», долженъ подлежать суду потомства.

Для этого суда предлагаемъ матеріалы. Собраны они лѣтъ десять тому назадъ, нынѣ также покойнымъ лицомъ, Алексѣемъ Ивановичемъ Рыжо-

вымъ (убить въ 1872 г.); довольно долго служившимъ при Красовскомъ секретаремъ комитета иностранной цензуры.

Воздавая должное доблестнымъ согражданамъ и честнымъ подвижникамъ науки, «Русская Старина» не вправдѣ умалчивать и о дѣятеляхъ, давно пережитаго времени, совершенно противоположныхъ имъ, какъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, такъ по цѣли и существу своей дѣятельности.

Ред.

I.

Пишущій эти строки былъ сослуживецъ Красовскаго и свидѣтель того, о чемъ рассказываетъ.

Имѣвъ съ нимъ дѣло чуть ни каждый день, мы можемъ сообщить о немъ свѣдѣнія, которыя вполнѣ обрисуютъ какъ его дѣятельность, такъ и то значеніе, которое онъ имѣлъ въ кругу людей своего времени.

Вотъ, прежде всего, его послужной Curriculum vitae.

Александръ Ивановичъ былъ сынъ протоіерея Петропавловскаго собора и члена Россійской Академіи. Онъ окончилъ курсъ наукъ въ бывшей гимназіи Императорской Академіи Наукъ и затѣмъ поступилъ, въ 1796 г., переводчикомъ въ канцелярію этой академіи; въ 1800 г. опредѣленъ библіотекаремъ въ Императорскую Публичную Библіотеку, а въ 1810 г. занялъ должность секретаря въ ней. Въ 1821 г. назначенъ въ бывшій цензурный комитетъ цензоромъ, а въ 1826 г. цензоромъ—въ главный цензурный комитетъ, по закрытіи котораго, отъ званія цензора уволенъ въ 1828 г. По предписанію министра народнаго просвѣщенія—князя К. А. Ливена, откомандированъ былъ въ Варшаву въ 1832 г.; для принятія книгъ и рукописей изъ двухъ тамошнихъ библіотекъ—прежней университетской, называемой потомъ казенной, и бывшей варшавскаго общества любителей наукъ, для отправленія книгъ и рукописей въ Петербургъ.

11-го мая 1832 г. Красовскій назначенъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной. Въ 1838 г. избранъ Императорскою Академіею Наукъ въ дѣйствительные члены. Въ 1841 г. сдѣланъ почетнымъ членомъ отдѣленія русскаго языка и словесности при Императорской Академіи Наукъ. 19-го ноября 1857 г. Александръ Ивановичъ умеръ, прослуживъ на государственной службѣ 61 годъ, а предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной—слишкомъ 25 лѣтъ.

II.

А. И. Красовскій—дѣтище своего времени, сшитый изъ матеріала, на который, какъ ему казалось, былъ спросъ; это былъ цѣликомъ ка-

женный человѣкъ, какъ понимали казеннаго человѣка въ старину, и онъ шелъ къ своей служебной добычѣ всегда верхнимъ чутьемъ, которое никогда его не обманывало. Въ немъ все было на показъ; тѣло и душа въ мундирѣ; набожность, православіе, человѣческое чувство, служба—все форменнаго покроя. Водотолочное усердіе, принизительное смиреніе, угодливость предъ высшими, рассчитанное ханженство—все это служило ему ходулями въ продолженіе всей его дѣятельности по комитету цензуры иностранной.

Онъ посѣщалъ домовыя церкви высокопоставленныхъ лицъ обоаго пола. Пишущій эти строки не разъ слышалъ о томъ, какъ Красовскій, внѣшне, усердно молился въ домовой церкви министра народнаго просвѣщенія князя Александра Николаевича Голицына, на виду у его сіятельства и другихъ государственныхъ сановниковъ, которые послѣ обѣдни собирались въ гостинной князя вокругъ умнаго и благодушнаго хозяина. Александръ Ивановичъ Красовскій тоже втирался туда за многочисленными посѣтителями и, усѣвшись въ почтительномъ отдаленіи, старался, тѣмъ болѣе, быть на виду.

Разсказываютъ, что въ бытность свою цензоромъ внутренней цензуры, онъ не пропустилъ статьи о вредности грибовъ, потому что грибы—постная пища православныхъ и что писать о вредности ихъ—значить подрывать вѣру и распространять невѣріе. Такой же внѣшней религіозности онъ требовалъ и отъ своихъ подчиненныхъ ¹⁾. Они должны были говѣть великимъ постомъ ех officio. Болѣе усерднѣйшимъ, по своему усмотрѣнію, Красовскій дарилъ грошовыя религіозно-назидательныя для народнаго чтенія книжечки, съ собственноручными надписями на нихъ, на примѣръ: такому-то въ знакъ христіанской любви, А. Красовскій; или въ знакъ чего-нибудь другаго, свидѣтельствующаго о его личномъ благорасположеніи къ одаряемому. Другіе же, слышшіе у него не усердными чиновниками и не православными, не удостоивались такихъ милостивыхъ наградъ. По его мнѣнію, религія и казенная служба были двѣ однородныя, взаимно другъ друга поддерживающія, а розно немыслимыя величины. Нравственность тоже въ его понятіи имѣла свой казовый конецъ, какъ и все прочее.

Однажды дошли до него слухи, что въ томъ же домѣ Фребелиуса, на Средней Мѣщанской, въ которомъ помѣщался и комитетъ цензуры иностранной, одинъ чиновникъ, занимавшій казенную квартиру, имѣетъ прислугой молодую женщину. Въ среду на страстной, передъ

¹⁾ Цензора умѣли держать себя въ приличномъ отдаленіи отъ начальника, не подчиняясь всѣмъ его фантазіямъ; но чиновники канцелярскіе не смѣли ему противорѣчить, за то потѣшались же надъ нимъ.

исповѣдью, потребовалъ его Красовскій къ себѣ. Когда тотъ пришелъ, онъ, не говоря ни слова, даетъ ему тоненькую книжку, приказывая прочесть ее, а самъ удаляется, заперевъ за собою дверь на ключъ. Чиновникъ, развернувъ книжку, увидаль, что это знакомая ему молитва о покаяніи, а потому и закрылъ ее. Привыкши къ причудамъ Красовскаго, заключенный не доумѣвалъ, однако, къ чему все это клонится. Арестъ былъ продолжителенъ. Наконецъ, Красовскій возвращается и спрашиваетъ:

— „Прочли вы молитву?“

— „Прочелъ“.

— „Видите-ли вы, къ какому таинству готовитесь?“

— „Вижу“.

— „И вы сверните себя прелюбодѣяніемъ, да еще гдѣ? — на казенной квартирѣ!“

— „Какимъ прелюбодѣяніемъ?“ спрашиваетъ изумленный чиновникъ.

— „Какъ какимъ? Вы живете въ незаконномъ сожителствѣ съ молодою женщиною! Я видѣлъ ея шляпку въ вашей комнатѣ, я сейчасъ былъ у васъ“.

— „Да это моя прислуга, рекомендованная мнѣ моими знакомыми; другихъ отношеній между нами никакихъ нѣтъ“.

— „Не правда-съ, вы съ ней живете, на вашей кровати можно двумъ спать“.

— „Да эта кровать куплена прежде, чѣмъ она поступила ко мнѣ“.

— „Пустыя оправданія, ничего не доказывающія! Приказываю вамъ немедленно выслать ее изъ казенной квартиры, сегодня же. Это не можетъ быть терпимо. Самъ князь Платонъ Александровичъ ¹⁾ строго смотритъ за тѣмъ, чтобы чиновники министерства, живущіе на казенныхъ квартирахъ ²⁾, вели себя благоправно, а не то — они лишаются этой милости и даже мѣста. Предостерегаю и васъ! и на вашу службу это можетъ повліять дурно. Совѣтую вамъ взять женщину для прислуги не моложе 40 лѣтъ. Да! вотъ еще. На окнѣ у васъ я нашелъ книгу, на оберткѣ ея написано карандашемъ, что она позволена съ исключеніями ³⁾. Развѣ вы не знаете, что по уставу канцелярскіе чиновники не вправѣ читать другихъ книгъ, какъ только исполнѣ позволительныхъ?“

¹⁾ Ширинскій-Шихматовъ, бывшій министръ народнаго просвѣщенія. *Авт.*

²⁾ Въ зданіи министерства народнаго просвѣщенія. *Авт.*

³⁾ Иностранныя книги, рассмотрѣнныя цензурою, дѣлятся на три категоріи: на запрещенныя въ цѣлости, на позволенныя съ исключеніемъ предосудительныхъ мѣстъ и на позволенныя въ цѣлости. *Авт.*

— „Знаю“, отвѣчаетъ чиновникъ, „запрещенныхъ вовсе не читаю, а съ исключеніями не прежде, какъ вырѣзавъ изъ нихъ недозволенные цензурою мѣста“ ¹⁾.

— „Ну, если такъ, то это ничего.“

Красовскаго легко было провести, какъ бы ни была очевидна нелѣпая ложь (своими нелѣпостями, конечно, онъ самъ вызывалъ на нее), но только не въ дѣлѣ цѣломудрія и прелюбодѣянія. Чтобы хоть косвенно исполнить предсѣдательскія приказанія, чиновникъ выписалъ свою заподозрѣнную прислугу изъ казенной квартиры въ другую, частную, въ томъ же домѣ. Александръ Ивановичъ пронюхалъ, что гонимая имъ женщина продолжаетъ жить все тамъ же, только числится на другой квартирѣ. Въ этотъ разъ онъ уже даетъ этому важному, не предусмотрѣнному закономъ случаю, оффиціальнѣйшій ходъ: предписываетъ секретарю комитета, съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, выслать эту женщину (ее звали Анной Кузьминишной) не только изъ казенной квартиры, но даже изъ самаго дома. Въ силу такого строгаго предписанія его превосходительства, она была выслана изъ дома административнымъ порядкомъ.

Долго хранилось въ архивѣ комитета цензуры иностранной „Дѣло объ Аннѣ Кузьминишнѣ“.

Всѣми, зависящими отъ него, средствами Красовскій старался поддерживать безбрачіе между чиновниками, которому самъ обрекъ себя въ интересахъ службы.

— „Женатый человѣкъ“, говорилъ онъ, „совершенно не благонадежный чиновникъ, потому что долженъ двоиться между службой и семьей, вмѣсто того, чтобы всецѣло принадлежать первой.“

Какихъ неимоверныхъ усилій стоило, чтобы получить отъ него разрѣшеніе жениться, какихъ нелѣпыхъ надувательствъ не придумывалось для этого! Если Красовскій, въ видахъ охраны семейнаго счастья, которое допускалось имъ, какъ необходимое зло, чтобы между бракосочитающимися не было минутнаго, свойственнаго мелко-чиновничьей молодости, увлеченія преступныхъ плотскихъ страстей любви, какъ-то: похищенія и иныхъ посягательствъ на бракъ помимо родительскаго благословенія, или согласія старѣйшихъ родственниковъ, или опекуновъ, или другихъ, семейный надзоръ имѣющихъ лицъ, — требовалъ гарантій, то затѣмъ дѣло не стояло: находили подставныхъ авторитетовъ, когда, по какимъ-либо обстоятельствамъ, не оказывалось настоящихъ. Какъ это обыкновенно дѣлалось, видно изъ слѣдующаго случая.

¹⁾ У этого чиновника было на храненіи тысячъ до шести книгъ первыхъ двухъ категорій и можно-ли думать, чтобы онъ не читалъ ихъ. *Авт.*

Въ комитетѣ служилъ молодой писецъ, нѣмецкаго происхожденія, малый продувной, кутила безъ средствъ, кромѣ рукъ, молодости, крошечнаго жалованья и способности въ неудачахъ „ваньки-встаньки“, котораго какъ ни клади, а онъ все встанетъ: вотъ весь его оборотный капиталъ. Пускался онъ въ разные аферы — не везло. Въ лихорадочной погонѣ за мягкимъ кускомъ хлѣба, наткнулся онъ на комитетъ и поступилъ писцомъ. Какъ писецъ, онъ былъ золото: красивый почеркъ, работалъ какъ паровая машина, переписывая все, что ни давали и сколько бы ни давали. Александръ Ивановичъ обрадовался такой драгоценной находкѣ и побѣхалъ на немъ, какъ ломовой извозникъ. Къ сожалѣнью, при такихъ капитальныхъ достоинствахъ писецъ страдалъ припадками кутежа, во время которыхъ пропадалъ на три-четыре дня безслѣдно. Въ такіе моменты иногда спрашивалъ его предсѣдатель. Сторожа съ ногъ сбивались за поисками, но на слѣдъ не нападали. На квартирѣ говорили, что уже нѣсколько ночей дома не ночуетъ.

Придя въ надлежащее состояніе, онъ являлся къ Красовскому, котораго изучилъ, какъ свои пять пальцевъ, съ повинною. Привидывался кающимся грѣшникомъ съ поникшею головою, опущенными глазами и съ пробивающимися слезами; съ терѣніемъ обреченнаго на казнь мученика выслушивалъ его, до одуренія многорѣчивые и пусторѣчивые выговоры, частью начальничьи, частью наставничьи, такъ что прирожденныя его способности—угремъ выскальзывать изъ всякихъ стѣснительныхъ обстоятельствъ—измѣняли ему. Онъ глубоко вздыхалъ и, конечно, непритворно, потому что слушать болтовню предсѣдателя было истинное мученіе. Красовскій, принимая вздохи за угрызенія совѣсти и за раскаяніе, умилялся, прощалъ, но въ послѣдній разъ. Все-таки, чтобы впредь тоже не повторилось, въ наказаніе задавалъ провинившемуся цѣлую главу изъ Библіи, для выучки наизусть. Тотъ готовъ былъ выучить наизусть всю Библию, лишь бы только отъ него избавиться.

На другой день прощенный грѣшникъ являлся къ нему, и, благодаря своей памяти, проговаривалъ заданный урокъ, какъ по писанному. А чтобы вчерашнее испытаніе не пропадало даромъ, выманивалъ у Красовскаго деньги на ближайшій угрожающій припадокъ.

Захотѣлось однажды юношѣ попробовать счастья въ супружествѣ. Подвернулася къ нему, вѣроятно, во время припадка, хорошенькая женщина — мемельская уроженка изъ дома терпимости, продувнѣе, какъ видно, чѣмъ онъ; она съумѣла замаскировать свою профессію и представить себя съ избыткомъ обезпеченною. Ей нужно было имя — хотя и дешевенькое, однако, все же лучше, чѣмъ никакое. Онъ же, съ своей

стороны, болѣе цѣннаго обезпеченія дать не могъ. Дѣло было слажено. Оставалось только перелѣзть черезъ заборъ брачныхъ гарантій—*sine qua non* Красовскаго. Вслѣдствіе чего молодой человѣкъ поставилъ предсѣдательскій вопросъ невѣстѣ о родителяхъ, который, впрочемъ, легко былъ разрѣшенъ ею. Изъ Ревеля выписанъ былъ какой-то нѣмецъ, прекрасно разыгравшій роль подставнаго отца, засвидѣтельствовавшій *seiner Excellenz*, положила руку на сердце, что дочь его изъ благочестиваго семейства, что она никогда не посмѣла бы выдти замужъ безъ родительскаго благословенія. Такимъ образомъ, Александръ Ивановичъ, считая нравственныя гарантіи вполне обезпеченными и удостоивъ даже жениха быть у него посаженнымъ отцемъ на свадьбѣ (въ домѣ терпимости), попалъ, конечно, помимо своей воли, въ духовное родство съ проституткой.

Но, увы! счастье обманчиво. Новобрачный даже не воспользовался полнымъ медовымъ мѣсяцемъ. Однажды, когда онъ былъ на службѣ, прекрасная его половина вывезла свою мебель, всѣ свои пожитки и ушла изъ дому, оставя его пустымъ. Злосчастный, застигнутый такою внезапною семейною катастрофой, очутился безъ жены и безъ обѣда. Но, умудренный опытомъ и превратностями своей судьбы, закусилъ выпитую имъ горькую чашу сугубымъ, на очереди стоявшимъ, припадкомъ и зажилъ по прежнему, считая свой бракъ *comme non avenu*.

Объ этой катастрофѣ не доводили до свѣдѣнія его превосходительства изъ опасенія подать поводъ къ преумноженію брачныхъ гарантій.

III.

Вся дѣятельность Красовскаго, какъ предсѣдателя комитета цензуры иностранной, проходила на заднемъ дворѣ комитета, гдѣ онъ рылся, какъ кротъ, между вѣдомостями, списками, каталогами книгъ, рэестрами и разными другими предметами чернорабочаго чиновника. Всю эту канцелярскую стряпню Александръ Ивановичъ приурочилъ къ непосредственному своему вѣдѣнію и вязнулъ въ ней, какъ въ болотѣ. Писанію, переписыванію, расплотившемуся при немъ до неимовѣрныхъ размѣровъ, не было конца. Бѣдные чиновники надъ этою сизифскою работою денно и нощно мозолили себѣ пальцы. Къ вящей вѣрности подаваемыхъ на его просмотръ вѣдомостей, рэестровъ и прочаго, Александръ Ивановичъ ввелъ разноцвѣтныя чернила (красныя, синія и черныя), которыми они разцвѣчивались, въ томъ предположеніи, что если писецъ употребилъ такую аккуратность на внѣшнюю отдѣлку, то тѣмъ паче онъ приложилъ стараніе, чтобы и содержаніе ей соответствовало. Но тутъ-то и ошибался непогрѣшимый

Александръ Ивановичъ: содержаніе-то и хромало, на этомъ-то и выѣзжали чиновники, чтобы избавиться отъ докучливыхъ его справокъ и провѣрокъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, трудъ и бумага тратились понапрасну. Весь этотъ хламъ самъ предсѣдатель перечитывалъ и держалъ ему корректуру. Разъ одинъ изъ моихъ предшественниковъ, секретарей комитета, въ шутку, написалъ на пакетѣ къ нему его адресъ всѣми тремя чернилами. Красовскій промолчалъ.

Онъ былъ одержимъ еще алфавитоманіей. Нельзя бывало написать двухъ, трехъ заглавій книгъ, или именъ, или фамилій, или какихъ бы то ни было вещей не въ алфавитномъ порядкѣ, за не соблюдение котораго онъ очень гнѣвался.

Вмѣсто словесныхъ приказаній онъ переписывался съ чиновниками потѣшными посланіями, не въ нѣсколько строчекъ, а на цѣлыхъ листахъ. Такая переписка забавляла и вызывалась нарочно чиновниками. Когда всѣ были утромъ въ сборѣ, то по обыкновенію, спрашивали: „а что пишетъ Сашенька Красовскій?“ и во всеуслышаніе читалась его грамотка при гомерическомъ смѣхѣ. Но и чиновники не оставались у него въ долгу, отвѣчали еще растяжистѣ, что, конечно, ему весьма нравилось.

Какъ-то сторожъ, не отличавшійся трезвостію, неся къ Александру Ивановичу въ незапечатанномъ большомъ пакетѣ бумаги для его просмотра и подписи, зашелъ, по пути, въ кабакъ, купилъ дрянныхъ, червивыхъ яблокъ и дорогой закусывалъ ими свою выпивку. Тоже, конечно, и прежде случалось, но вотъ что случилось необычайное: онъ не всѣ ихъ съѣлъ, а такъ съ недоѣдками и передалъ свою пошу камердинеру Александра Ивановича.

На другой день получается отъ его превосходительства предлинный запросъ: „отчего между принесенными вчера бумагами оказалось приложеніе изъ трехъ яблокъ, и тѣ не перваго сорта, но бумаги объ нихъ нѣтъ?“

Завязалась переписка, наведены справки, и только когда извѣдено было бумаги довольно, недоумѣніе предсѣдателя удовлетворительно разъяснено самимъ виновникомъ казусаго дѣла.

Этого же сторожа разъ грозно спрашиваетъ Александръ Ивановичъ:

— „Ты пьянъ?“

— „Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство“.

— „Какъ никакъ нѣтъ, отъ тебя несетъ виномъ, какъ изъ бочки“.

— „Это вчерашнее, ваше превосходительство“.

Вопросъ покрытъ былъ отвѣтомъ.

IV.

Въ одно время вышло правительственное распоряженіе о сокращеніи канцелярскаго дѣлопроизводства. Это ошеломило Красовскаго: какъ революція сверху! И онъ, который не дерзалъ даже вознестись мысленно надъ всякимъ, на вершокъ выше его стоящимъ, вдругъ возроптать! Дабы отворотить государственный переворотъ, стать въ оппозицію, вѣще приумноживъ и переписку, и дѣлопроизводство.

Одинъ молодой человѣкъ, сынъ умершаго цензора комитета, пришелъ просить копію съ формулярнаго списка отца, для помѣщенія сестры въ одно воспитательное учрежденіе. Кажется, дѣло просто: стоило только приказать, чтобы удовлетворить желаніе просящаго. Нѣтъ, Александръ Ивановичъ наговорилъ ему съ три короба, какъ-де это важно, что для этого-де нужно прежде съ его стороны сдѣлать то-то и то-то и пошелъ, и пошелъ говорить. Молодой человѣкъ, выслушавъ его, обращается къ стоявшему тутъ чиновнику и спрашиваетъ: „что онъ у васъ здоровъ?“

На случай, чтобы смерть или отставка кого-нибудь изъ цензоровъ не застала его въ расплохъ, Красовскій держалъ, про запасъ, значительное число кандидатовъ на цензорскую должность, которые ходили къ нему предварительно на испытаніе въ удостовѣреніе способности ихъ разсматривать книги. Для этого онъ давалъ читать имъ такія, которыя уже были разсмотрѣны комитетскими цензорами. Въ его квартирѣ съ утра до вечера сидѣло по нѣскольку человѣкъ экзаменующихся, преимущественно изъ нѣмцевъ, какъ въ читальнѣ, въ которую открыты были двери всякому охотнику въ цензора. Онъ никому не отказывалъ, хотя вакансій не было и не предвидѣлось ни въ близкомъ, ни въ далекомъ будущемъ. Во все двадцати-пяти-лѣтнее его предсѣдательство изъ комитета вышло только два цензора, одинъ—за смертію, а другой—вышедшій въ отставку. И эти двѣ вакансіи были замѣщены не имъ, а министромъ, пока Александръ Ивановичъ, по нерѣшимости, копотливости и дробливости своего характера, какъ Діогенъ съ фонаремъ, все еще искалъ и искалъ изъ своихъ кандидатовъ способнѣйшаго, достойнѣйшаго замѣстителя и медлилъ въ выборѣ.

Въ одно время онъ искалъ секретаря. Перебывало, т. е., испытывалось у него, что-то очень много желавшихъ занять это мѣсто, и испытывались они не только въ способностяхъ, но и въ добродѣтели своего здоровья. Разъ мы были свидѣтелями слѣдующей сцены: ходилъ къ нему уже недѣль шесть прекрасный, преспособный молодой человѣкъ. Красовскій былъ имъ очень доволенъ.

Однажды приходит молодой человек и садится за работу. Выбѣжалъ Красовскій.

— „А! это вы! пожалуйста-ка сюда“, и ведетъ его къ песочницѣ: „посмотрите сюда. Что это такое?“

Молодой человекъ смотритъ.

— „Ничего-съ“, отвѣчаетъ онъ, „песокъ и наплевано“.

— „Какъ ничего!“ Кричитъ Красовскій, „посмотрите хорошенько“.

— „Ничего не вижу“.

— „Тутъ кровь“, выходя со всѣмъ изъ себя, кричитъ Александръ Ивановичъ. „Это вы плюнули?“

— „Можетъ быть и я—для того, вѣдь, и песочница“.

— „Не въ томъ дѣло, отчего же кровь?“

— „Да у меня зубы болѣли, я вѣрно отсосалъ“.

— „Не отсосали вы! у васъ, милостивый государь, чахотка, вы скоро умрете, и смѣете являться ко мнѣ просить мѣсто секретаря! Я васъ опредѣлю, вы умрете, а я опять долженъ буду искать!...“.

— „Ваше превосходительство....“.

— „Полноте! Я не позволю вамъ обманывать ни меня, ни высшее начальство. Прощайте!“

Молодому человеку ничего не оставалось, какъ уйти.

V.

Красовскій вообразилъ о себѣ и о своемъ комитетѣ, что это чуть не центръ вселенной.

Разъ одинъ секретарь, въ сороковыхъ годахъ, просился у Красовскаго съѣздить въ Кронштадтъ и поэтому не явиться въ засѣданіе комитета, въ среду.

— „Будетъ смотръ флоту, братъ мой командуетъ фрегатомъ, государь будетъ.....“.

Красовскій готовъ былъ отпустить, но услыжавъ, что государь будетъ, взволновался и закричалъ:

— „Какъ же вы смѣете проситься, когда знаете, что государь будетъ въ Кронштадтѣ? Ну, государь васъ увидитъ, скажетъ: „сегодня среда, у Красовскаго засѣданіе, а секретарь въ Кронштадтѣ“, — и не пуститъ.“

Красовскій любилъ разговаривать съ чиновниками о практичности своихъ вѣдомостей, рэестровъ, списковъ и о другихъ канцелярскихъ подѣлкахъ, какъ о предметахъ первой важности.

Говорилъ всегда очень долго и навелъ тоску и одуреніе на того, кто имѣлъ несчастіе невзначай попасться ему на глаза. Но это случалось, какъ мы сказали, „невзначай“; обыкновенно прини-

мались своего рода предупредительныя мѣры во избѣжаніе назойливыхъ его бесѣдъ, и вотъ въ чемъ состояли эти мѣры. Когда его превосходительство изволилъ выходить изъ присутственной залы, всѣ чиновники сидѣли по мѣстамъ и при появленіи его вставали. Онъ шелъ сперва по направленію къ секретарю; говорильня его съ недѣльнымъ ходомъ начинается уже жевать жвачку, — значить машина заведена, онъ хочетъ говорить и премного говорить. Секретарь, не допуская его близко къ себѣ, препочтительнѣйше кланяется: прощайте-де, ваше превосходительство, и все кланяется и кланяется, пока онъ не повернется отъ него къ другому; тотъ, повторяя приемы своего предшественника, препровождастъ Александра Ивановича по этапу къ близстоящимъ; эти подхватываютъ его такими же поклонами, какъ первые, и препочтительнѣйше выкачиваютъ въ другую комнату. Тамъ прибѣгали къ инымъ предосторожностямъ: обладывали себя поступавшими на цензурное разсмотрѣніе картинками голыхъ женщинъ: увидавъ ихъ, Красовскій отворачивался, морщась, какъ отъ дьявольскаго соблазна, проходилъ мимо, молча, въ сторожевую и удалялся изъ комитета.

VI.

Въ 1838 году одинъ молодой человѣкъ, нынѣ занимающій важный постъ, пришелъ къ Красовскому жаловаться на цензора, что тотъ вырѣзалъ изъ привезенной имъ изъ-за границы книги, собранія сочиненій Байрона, одну небольшую поэмѣ.

— „Принесите вашу книгу“, вротко замѣтилъ Красовскій.

Книга принесена. Ласково встрѣтилъ Александръ Ивановичъ г. З*** (владѣльца книги), попросилъ дать ее въ руки; но лишь Байронъ очутился у Красовскаго, ликъ и голосъ послѣдняго мгновенно измѣнились.

— „А! такъ вы принесли... вы принесли книгу... а знаете, что цензоръ ошибся... что не только одну поэмѣ, но и эту, и эту, и слѣдующія, и эту... всѣ надо вырѣзать и сжечь! И еслибы вы не принесли книгу, я бы вытребовалъ ее отъ васъ чрезъ полицію.“

Долго еще металъ грома Александръ Ивановичъ, но г. З*** предпочелъ предать на закланіе всего Байрона и, оставя его у Красовскаго, удалился.

По распоряженію Александра Ивановича, по его увѣренію, будто бы опиравшемся на высшую волю его сіятельства князя Платона Александровича, только такія картинки съ изображеніемъ женщинъ пропускались въ продажу, у которыхъ колѣна прикрывались платьемъ; если же сколько-нибудь обнажались ихъ пластическія формы или

бросались въ глаза, по его мнѣнію, чувственные позы, такія картинки, какъ безнравственные, конфисковались.

Было задержано иностранной цензурой новое изданіе общезвѣстнаго лексикона Рейфа за нѣкоторые слова, оскорблявшія пѣломудренный слухъ Александра Ивановича. Такія слова приказано было исключить. Издатель, съ большимъ ущербомъ для себя, вынужденъ былъ все изданіе, во многихъ тысячахъ экземпляровъ, отправить обратно за границу для перепечатанія, хотя осужденныя слова допускались въ прежнихъ изданіяхъ того же лексикона и печатаются во всѣхъ другихъ словаряхъ. И это мѣропріятіе Александръ Ивановичъ тоже относилъ къ тому же высшему вынужденію.

До Красовскаго дошли слухи, что польская эмиграція высылаетъ въ Россію изъ-за границы возмутительныя прокламаціи въ видѣ музыкальных нотъ безъ текста. Онъ строго предписываетъ наблюдать за такими нотами, и если въ нихъ окажутся прокламаціи, то онныя задерживать и ему представлять, другими словами: предписать отыскать ключъ къ этому, такъ сказать, шифрованному письму. Прежде чѣмъ давать такое предписаніе, ему, кажется, слѣдовало бы сперва спросить: „да знаютъ-ли чиновники, завѣдывающіе разсмотрѣніемъ нотъ, музыку“, а они въ ней ни въ зубъ толконуть. Ихъ обязанность состояла въ прочитываніи текста подъ нотами, а ноты безъ текста просто выдавались предъявителямъ ихъ; но знаютъ-ли они или не знаютъ музыку—до этого Александру Ивановичу и дѣла не было.

Онъ думалъ: „я-де сдѣлалъ свое“: формальность соблюлъ, предписаніе далъ, а тамъ—дѣлайте, какъ знаете, вѣдь будете вы отвѣчать, а не я“.

Что же вышло изъ всего этого?

А вотъ что: предписаніе осталось само по себѣ, а исполненіе—тоже само по себѣ: музыкальныя ноты выдавались, какъ *ab antiquo*, ихъ владѣльцамъ безъ задней мысли Александра Ивановича, а дошедшіе слухи сдали въ архивъ и все прошло благополучно.

Тоже случилось и съ привозной изъ-за границы для продажи почтовой чистой бумагой, заподозрѣнной Красовскимъ (а можетъ быть, и кѣмъ-нибудь другимъ изъ выше его стоявшихъ чиновниковъ), что будто бы на ней написаны химическими чернилами польскія возмутительныя прокламаціи, воспроизводимыя потомъ такимъ же химическимъ способомъ. Въ силу этого, Красовскій наистрожайше предписываетъ задерживать такую бумагу и доносить ему о томъ. Въ комитетъ тоже не оказалось ни экспертовъ, ни химическихъ снарядовъ для анализа. Но все-таки чиновники, изъ любопытства, просили одного знакомаго аптекаря изслѣдовать заграничную почтовую

бумагу и послали къ нему большую кипу ея; тотъ возвратилъ ее, не найдя ничего злоумышленного. И здѣсь, такимъ же образомъ, все пошло по старому, а предписаніе предсѣдателя принимали къ свѣдѣнію, другими словами: къ неисполненію оного.

Предусмотрительность Красовскаго росла и росла съ каждымъ днемъ вмѣстѣ съ усердіемъ на пользу службъ. Извѣщенный о контрабандномъ провозѣ изъ-за границы запрещенныхъ цензурою книгъ, скрываемыхъ подъ двойными днами ящичковъ, Александръ Ивановичъ, всегда благовременно предупреждающій опасность, даетъ предлинное, съ подобающими инструкціями и внушеніями, предписаніе, чтобы тщательно осматривать ящики съ книгами, въ комитетѣ поступающими, не обаяжется-ли въ нихъ двойнаго дна. Такъ какъ подобный подлогъ не мыслимъ, потому что, по опорожненіи ящика, только развѣ слѣпой не увидитъ, что у него одно или два дна, то и это предписаніе, по примѣру прежнихъ, оставлено безъ послѣдствій.

Разъ вздумалось, достопочтенному Александру Ивановичу произвести внезапную ревизію и удостовѣриться самому на дѣлѣ, не полагаясь на голословныя увѣренія чиновниковъ, что они строго выполняютъ его предписанія. Это былъ первый и послѣдній случай возродившагося въ немъ сомнѣнія. Съ такимъ умысломъ явился онъ однажды нечаянно въ комнату, гдѣ разбирались книги, поступающія на цензурное разсмотрѣніе. Нѣсколько ящичковъ стояли опорожненными. Александръ Ивановичъ, не говоря ни слова, сталъ прохаживаться между ними, заглядывалъ то во внутрь ихъ, то осматривалъ снаружи, и, недовѣря глазомѣру, дѣлалъ промѣры своею палкою, какъ дна морскаго. Послѣ тщательнаго осмотра вещественныхъ доказательствъ, предсѣдатель удалился, убѣжденный, что строгій наказъ его усугубилъ бдительность чиновниковъ, которые, впрочемъ, ни до, ни послѣ предписанія его никогда искомаго подлога не встрѣчали.

Опять набѣжало облачко на цензурномъ горизонтѣ: опять прошелъ слухъ о польскихъ зажигательныхъ прокламаціяхъ, высылаемыхъ въ расшитыхъ печатныхъ листахъ, которыми, будто-бы, обертывались книги и другіе заграничные товары. Потянулись съ такими обертками, напичканными въ большіе, громоздкіе рогожныя тѣки, возы изъ здѣшней таможни, и тянулись, если не ошибаемся, цѣлое лѣто. Какого тутъ не было хлама, на всевозможныхъ языкахъ, трудно себѣ представить! Тутъ были и цѣльные листы, и полулисты, изорванные въ клочки,—все перепачкано, измято, словомъ—матеріалъ, годный не для цензурнаго разсмотрѣнія, а для мелочныхъ лавочекъ и колбасныхъ.

Вспокоился нашъ Александръ Ивановичъ и послѣшно опустилъ

свой шлагбаумъ, чтобы ни одно печатное слово не прокралось черезъ цензурную заставу безъ оклика: „кто идетъ?“ Вслѣдствіе этого, присоединилъ въ прежнимъ своимъ строгимъ предписаніямъ-выкидышамъ такое же новое, пространное, но классическое, а именно предписать: весь этотъ навозъ недочищенныхъ авгіевыхъ конюшенъ внимательно перечитывать, нѣтъ ли чего вреднаго, опаснаго и противнаго правиламъ цензуры, заносить въ списки, приводить въ систематическій порядокъ и хранить въ шкафахъ, вмѣстѣ съ книгами. Кромѣ таможеннаго, въ комитетѣ каждодневно оставался еще свой хламъ отъ выпороженныхъ ящиковъ съ книгами, которыя обертывались въ такую же макулатуру, и съ нимъ приказано обращаться согласно предписанію. Съ такимъ матеріаломъ могъ только совладать одинъ Александръ Ивановичъ, которому все ни почемъ, когда дѣло касалось интересовъ по-своему имъ понимаемой службы и государственной безопасности. Но и это облачко, какъ и прежнія, прошло безъ грозы, благодаря предусмотрительности предсѣдателя иностранной цензуры, умѣвшаго во-время отвести ее. Чиновники не заблагодарасудили, однако, состязаться съ героемъ классической древности, а разомъ порѣшили и, кажется, съ большею предусмотрительностію, чѣмъ Александръ Ивановичъ, отдавъ весь свой и таможенный хламъ на просмотръ сторожей, а тѣ распорядились съ нимъ по достоинству. Затѣмъ, по прежнимъ примѣрамъ, и это дѣло заглохло, оставивъ только одно воспоминаніе по себѣ.

VII.

Между многими секретарями комитета былъ также покойный П. С. Савельевъ, извѣстный археологъ и ученый. Ему разъ замѣтилъ Красовскій, что онъ очень честолюбивъ.

— „Одно уже то“, отвѣчалъ Савельевъ, „что я у вашего превосходительства секретаремъ, доказываетъ противное“.

Въ комитетѣ служилъ канцелярскій чиновникъ, пользовавшійся казенной квартирой, который не могъ ходить отъ пораженія въ ногахъ, постигшаго его на службѣ, и занимался дома. Такъ какъ прежде, до болѣзни своей, онъ былъ усердный и исправный чиновникъ, то его и не увольняли изъ комитета, тѣмъ болѣе, что должностныя обязанности его нисколько отъ того не страдали,—онъ также исправно и усердно исполнялъ ихъ, какъ и прежде, здоровый. Александръ Ивановичъ очень благоволилъ къ нему; но благоволеніе его доставалось ему не дешево,—онъ шелъ у него всегда въ корню. Предсѣдатель нашъ, по обыкновенію, хищнически эксплуатировалъ всякое трудолюбивое усердіе.

Соболѣзнуя объ этомъ больномъ чиновникѣ, Красовскій, однажды, заговорилъ съ пришедшимъ къ нему писцомъ для переписки канцелярскихъ бумагъ примѣрно такъ:

— „Мнѣ очень жаль бѣднаго Петра Петровича¹⁾. Вчера, уже лежа въ постелѣ, долго думалъ я, отчего болѣзнь его такъ упорствуетъ. Вотъ уже сколько лѣтъ прошло, какъ онъ лѣчится, а ноги его все еще не укрѣпляются, онъ все еще ходить не можетъ. И знаете-ли, что пришло мнѣ въ голову? Онъ, вѣдь, женатъ, какъ вамъ извѣстно?

— „Точно такъ, ваше превосходительство!“ отвѣчалъ писецъ.

— „Ну да, слѣдовательно, истощаетъ свои силы, а тутъ главное: надо беречь ихъ. Самому мнѣ говорить объ этомъ съ Петромъ Петровичемъ какъ-то неловко; скажите-ка ему отъ меня, чтобы онъ прислалъ ко мнѣ своего врача, я съ нимъ переговорю,—онъ навѣрно согласится съ моими догадками, я не сомнѣваюсь.

Врачъ былъ у Александра Ивановича; заѣхавъ отъ него къ больному, передалъ ему свой разговоръ и оба поохотали.

Разъ Красовскій, разговаривая о комитетскихъ дѣлахъ, завелъ рѣчь о спасеніи души, и, разсуждая на эту тему, поучалъ, что всѣ земныя блага—прахъ передъ вѣнцомъ праведника, стяжать который можно только умерщвленіемъ плотскихъ похотей.

— „Вотъ, напримѣръ“, прибавилъ Александръ Ивановичъ, обращаясь уже къ факту, „не далеко сказать, князь Платонъ Александровичъ. Ужъ онъ-ли, кажется, не святой человѣкъ и по жизни, и по набожности! А что же? Вѣнца праведника все-таки ему стяжать нельзя“.

— „Почему же нельзя?“ спрашиваютъ его.

— „Какъ почему? извѣстно почему: онъ женатъ — плотское сожителство препятствуетъ“.

Противъ квартиръ, цензурнаго комитета, въ Средней Мѣщанской, въ домѣ Фробеліуса, въ одно время поселились женщины легкаго поведенія. Это было лѣтомъ. Канцелярскіе чиновники—все молодежь, въ свободныя минуты выходили на балконъ поглазѣть на улицу и на своихъ чересуличныхъ сосѣдей. Тѣ не могли, конечно, не догадаться, что привлекаютъ на себя вниманіе; и въ такіе моменты то рѣзвились въ своей комнатѣ, то гурьбою, лежа на подоконникахъ, смотрѣли изъ оконъ. Разъ Александръ Ивановичъ стоялъ на балконѣ. Одинъ чиновникъ, завидѣвъ его тамъ, вынулъ ассигнацію изъ кармана и сталъ трепать ею изъ окна, тыкая на него пальцами, что-де богатый старикъ. Одна изъ этихъ женщинъ,

¹⁾ Владимірова (фамилія больного чиновника).

обидѣвшись поступкомъ озорника, отскочила отъ окна и за нанесенную обиду отплатила ему непечатымъ образомъ. Чиновникъ покати́лся со смѣху. Александру Ивановичу показалось, что она мѣтила на него, ринулся въ дверь балкона, какъ ошеломленный, захлопнулъ ея, позвалъ сторожа и приказываетъ ему сію же минуту бѣжать къ квартальному надзирателю и заявить ему о случившемся, съ требованіемъ удаленія этихъ женщинъ отъ сосѣдства съ казеннымъ мѣстомъ,—въ противномъ случаѣ, его превосходительство будетъ-де жаловаться г. оберъ-полиціймейстеру.

VIII.

Красовскій питалъ омерзеніе къ иностранной литературѣ, къ этому, по выраженію его, „смердящему гною, распространяющему душегубительное зловоніе“, и въ особенности къ Парижу, какъ „любимому мѣстопребыванію дьявола“ (тоже его изрѣченіе). Задавшись такою благочестивою мыслію, предсѣдатель цензуры иностранной, во спасеніе своей души, самъ ничего не читалъ и старался всѣми, зависящими отъ него, средствами, чтобы и другіе, тоже во спасеніе души, ничего не читали. Ему чужды были и исторія западной литературы, и современное ея движеніе. Его не интересовало ни появленіе какого-нибудь замѣчательнаго сочиненія, ни политическія событія. Словомъ, онъ игнорировалъ все, что происходило въ Европѣ. Иностранныя газеты, которыя выписывались комитетомъ, читались всѣми, кромѣ предсѣдателя. Онъ довольствовался одною „Сѣвѣрною Пчелою“, изъ которой почерпалъ всѣ политическія свѣдѣнія—отечественныя и заграничныя, и которую давалъ переписывать, Богъ вѣсть для чего, комитетскимъ писцамъ. На иностранныя книги, проходившія черезъ комитетъ, почтенный Александръ Ивановичъ смотрѣлъ, какъ на товаръ заграничнаго издѣлія, дѣлящійся по цензурному тарифу на три категоріи:

Запрещенныя,
дозволенныя съ исключеніемъ, и
позволенныя;

другаго значенія книги для него не имѣли. Онъ только и заботился о томъ, чтобы въ спискахъ и каталогахъ эти категоріи не были перемѣшаны. И, сохрани Богъ, если случалось, что одной категоріи книги попадали, по ошибкѣ, въ другую; впрочемъ, и во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ провинившемуся приходилось выносить тяжкую пытку. Александръ Ивановичъ заговаривалъ его до упаду; отъ изнеможенія у виновнаго смыкались глаза, надо было протирать ихъ, чтобы не захрапѣть.

Одному чиновнику Красовскій не могъ простить никогда того, что разъ, переписывая списокъ нѣмецкихъ книгъ, онъ въ трехъ словахъ надъ нѣмецкимъ „у“ не поставилъ кавычекъ сверху.

Въ день засѣданія комитета, когда цензора читали свои рапорты о рассмотрѣнныхъ ими книгахъ, т. е., краткія извлеченія о содержаніи ихъ, Александръ Ивановичъ внимательно прислушивался, безъ всякаго другаго интереса, какъ бы только не пропустить какого-нибудь слова, къ которому можно прицѣпиться, и гонялся за нимъ, какъ за мухой съ обухомъ. Въ журналахъ засѣданій почти подъ каждымъ сочиненіемъ, дозволеннымъ другими членами комитета, стояло его стереотипное veto: „а г. предсѣдатель полагаетъ безопаснѣе запретить“. Иногда, и то очень и очень рѣдко, случались книги, пользовавшіяся его одобреніемъ; но такія книги можно было заподозрить: ужъ не самъ-ли Александръ Ивановичъ ихъ сочинялъ?

Благодаря цензорамъ и главному управленію цензуры, умѣравшія его огульное „безопаснѣе запретить“ книги еще проходили въ публику, не смотря на него и противъ него. Изъ устава о цензурѣ 1828 г., довольно либеральнаго для того времени, не стѣснявшаго просвѣщеннаго его исполнителя примѣнять цензурныя правила, по своему усмотрѣнію, въ болѣе широкомъ, чѣмъ въ буквальноймъ смыслѣ, Красовскій сьумѣлъ, однако, сплести себѣ изъ него паутину и, какъ паукъ изъ своей засады, накидывался на всякую попадавшуюся въ нее свѣтлую идею, потрясавшую его западню.

Какъ предсѣдатель цензуры иностранной, Красовскій трудился слишкомъ 25 лѣтъ, въ теченіи которыхъ ни разу не былъ болѣнъ, развѣ только прихварывалъ иногда, и то очень рѣдко, и всегда ко дню засѣданій, которыхъ никогда не пропускалъ, былъ совершенно здоровъ. Въ теченіе 60-ти лѣтней службы не былъ въ отпуску, и не выходилъ за черту города, исключая одной поѣздки передъ смертью въ Царское Село, по случаю какой-то награды.

Министръ народнаго просвѣщенія гр. С. С. Уваровъ говаривалъ, что „Красовскій у меня, какъ цѣпная собака, за которую я сплю покойно“. Министръ совершенно ошибался: эта собака лаяла на вѣтеръ. Порядокъ въ комитетѣ цензуры иностранной держался не имъ, а его подчиненными; они, помимо своего начальника, исполняли съ точностію требованія закона, хотя и суроваго, но не нелѣпостей, присоединенныхъ къ нему Красовскимъ.

IX.

Смерть постигла Александра Ивановича внезапно. Она изумила всѣхъ его подчиненныхъ: зачѣмъ онъ понадобился тамъ? говорили они.

При описи полиціей имущества Красовскаго, особенно обратилъ на себя вниманіе музей стараго изношеннаго его платья, хранившагося многіе десятки лѣтъ изъ разныхъ эпохъ его жизни до послѣднихъ его дней. Всему имѣлась опись, все každолѣтно провѣтривалось, выколачивалось, чистилось, имъ самимъ провѣрялось по описи и потомъ, въ присутствіи его, укладывалось бережно въ хламо-хранилище камердинеромъ его — директоромъ музея, впаваго отъ непосредственнаго нравственнаго давленія господина въ идиотизмъ.

Въ неопрятной спальнѣ покойнаго лежалъ на полкѣ рядъ помощей въ какомъ-то систематическомъ порядкѣ, какъ будто въ хронологическомъ. Подъ кроватью набиты были употребленные банные вѣники, между которыми найденъ завернутый въ грязныя тряпки новенькій серебрянный самоваръ.

Нашлись бумажныя мѣрочки, служившія для повѣрки бутылокъ съ виномъ и банокъ съ вареньемъ, на которыхъ отмѣчено: „такого-то года, мѣсяца и числа выпито или съѣдено столько-то и столько-то еще осталось“,—и горе прислугѣ, если бывали недомѣрки: онъ пилъ ее своею говорильней съ недѣльнымъ ходомъ также, какъ чиновниковъ. Такая же хламо-музейная и погребная система удачно примѣнена была имъ къ управленію комитетомъ цензуры иностранной и оказалась пригодною.

Сторожа, обмывавшіе бранные его останки, знавшіе его набожность и цѣломудренное житіе, рассказывали потомъ, съ нѣкоторымъ благоговѣніемъ, что генераль (такъ они называли его) былъ еще дѣвственникъ.....

Послѣ себя покойный оставилъ денежный капиталъ во 100,000 рублей, выросшій изъ процентовъ по двумъ вкладамъ въ ломбардъ, въ концѣ прошедшаго и въ началѣ текущаго столѣтія, суммою около 20 тысячъ. Духовнаго завѣщанія послѣ него не оказалось,—и это не удивительно ни для кого, кто близко стоялъ къ покойному: его мелочность и копотливость, проявившіяся по дѣламъ службы, отразились и на домашней его жизни, и наоборотъ. Пока онъ додумывался, гадалъ и недоумѣвалъ, какъ лучше распорядиться своимъ капиталомъ, накопленнымъ имъ трудами, государственными заслугами, умерщвленіемъ похотей своей плоти и своего духа ¹⁾, чтобы скороспѣш-

¹⁾ Александръ Ивановичъ велъ великопостную жизнь, соблюдалъ всѣ посты, никогда не посѣщалъ театровъ и увеселительныхъ общественныхъ заведеній, дѣлая исключенія только для Строгоновскаго сада, куда онъ ходилъ лѣтомъ прогуливаться, и клубнаго сада въ домѣ Тарасова, гдѣ его въ лѣтнее время иногда видѣли, потому вѣроятно, что онъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ его квартирой.

ностью не упустить чего-нибудь из виду важнаго, смерть неожиданно-негаданно, на восьмомъ его десяткѣ, подвернулась къ нему—и разомъ порѣшила со всѣми его недоумѣніями....

За наслѣдіемъ покойнаго явилась почти вся его родня съ его родины,—люди простые, которымъ и во снѣ не снилось такое богатство; завязалась между ними тяжба, длившаяся слишкомъ одинадцать лѣтъ. Во все это время квартира его съ пожитками стояла опечатанною, а капиталъ весь ушелъ на тяжбу.

Все рассказанное нами касалось складки нрава Александра Ивановича, слышаннаго между его сослуживцами за нравственнаго скопца и уroda. Теперь, въ заключеніе, было-бы не лишнимъ, цѣлостности ради, дополнить характеристику его физическую, своего рода, типическою особью. Но не вдаваясь въ описаніе наружности Красовскаго, хорошо памятной знавшимъ его современникамъ, упомянемъ объ одной только его особенностях: «у Александра Ивановича были замѣчательной величины расплюснутыя уши совершенно безъ завитковъ¹⁾, онѣ взбѣгали вверхъ до макушки и тянулись до затылка....

Х.

Завершаемъ наши воспоминанія объ Александрѣ Ивановичѣ Красовскомъ его дневникомъ, имъ собственноручно писаннымъ въ теченіи продолжительнаго періода времени, отдѣльными тетрадками. Завѣтныя тетрадки разошлись, послѣ его смерти, по рукамъ на расхватъ, какъ драгоценная рѣдкость, между заинтересованными въ незабвенной памяти покойнаго. Если судить по тетрадкѣ за цѣлый 1848 годъ, подлинникъ которой хранится нынѣ въ отдѣлѣ рукописей Императорской Публичной Библіотеки, и о прочихъ, что и тѣ тоже годичныя, то дневникъ веденъ былъ Красовскимъ лѣтъ сорокъ, такъ какъ мы знаемъ, что тетрадокъ было именно такое число; мы хорошо помнимъ, что онѣ и по формѣ, и по содержанію наблюдаемыхъ предметовъ—всѣ на одинъ ладъ. Этимъ именно однообразіемъ и еще тѣмъ, что презираемая Красовскимъ и умерщвляемая имъ плоть была предметомъ постоянной его заботливости, настоящій дневникъ и представляетъ нѣкоторый своеобразный интересъ. Во всякомъ случаѣ лѣтопись эта вполне дорисовываетъ предъ нами обликъ характера, складъ ума и настроеніе мыслей покойнаго Александра Ивановича.

Каждодневно, и ни о чемъ болѣе другомъ, записывалось имъ: о дурной или хорошей погодѣ, сколько градусовъ тепла или холода;

¹⁾ Дарвинъ упоминаетъ о такихъ безъ завитковъ и шевелящихся, какъ у животныхъ, ушахъ, которыя случалось ему видѣть у нѣкоторыхъ людей.

о снѣ и сновидѣніяхъ; объ исправности или неисправности отправленій желудка; объ обѣдѣ—дома или въ гостяхъ и у кого; о послѣобѣденномъ и ночномъ снѣ; о сновидѣніяхъ; о вечернемъ чаѣ—тоже дома или въ гостяхъ и у кого; и наконецъ о томъ, въ которомъ часу легъ спать на ночь, т. е., не послѣ обѣда. Этимъ физическимъ наблюденіямъ предпосылается благодареніе Господу или святымъ угодникамъ за все, что затѣмъ въ дневникѣ слѣдуетъ.

На оберткѣ тетрадки за 1848 г. значится:

„Записка наблюденій за здоровьемъ, сномъ, погодой и тому подобными предметами въ 1848 году“ ¹⁾.

Далѣе слѣдуютъ наблюденія съ 1-го января по 31-е декабря, изо дня въ день; мы приводимъ изъ нихъ на выдержку нѣсколько дней.

¹⁾ Тетрадка въ 4-ю д., 92 стр. мельчайшаго письма собственной руки Александра Ивановича Красовскаго.